

«ГНЕВНЫЕ ПСАЛМЫ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИРИКИ ТОМАСА БЕРНХАРДА

Вера Владимировна Котелевская

кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)
e-mail: luga17@rambler.ru

Аннотация. В данной публикации представлен перевод пяти стихотворений австрийского модерниста Томаса Бернхарда (1931–1989). Тексты предваряются вступительной статьей переводчика. Стихотворения входят в сборники ранней лирики Бернхарда: “Auf der Erde und in der Hölle” (1957), “In hora mortis” (1958) и “Unter dem Eisen des Mondes” (1958). Даются вводные замечания к лирике Бернхарда, которая прежде не переводилась в России и не становилась предметом литературоведческого исследования. Реконструируется культурно-исторический и биографический контекст поэзии Бернхарда, выявляются ее основные мотивы и образы, генетические связи интерпретируемых текстов с европейской поэтической традицией, кроме того, прослеживается значение лирики в становлении поэтики Бернхарда. Перевод выполнен автором в рамках совместного проекта германского издательства “Suhrkamp” и московского издательства “libra”, итогом которого должна стать первая публикация в России полного собрания лирики Томаса Бернхарда в переводе автора.

Ключевые слова: лирика Томаса Бернхарда, Райнер Мария Рильке, Георг Тракль, Пауль Целан, Эрнст Яндль, Томас Стернз Элиот, авангард, литература модернизма, австрийская поэзия XX в., христианские мотивы, “Auf der Erde und in der Hölle”, “In hora mortis”, “Unter dem Eisen des Mondes”.

Литературная репутация австрийского писателя Томаса Бернхарда (1931–1989) складывалась, начиная с первых премий и громких публикаций 1960–1970-х гг., как репутация прозаика и драматурга. Оригинальность повествовательной формы, раскрывшаяся, с одной стороны, в романах с лаконичной фабулой и гипертрофированной, квазимузыкальной речевой стихией, а с другой стороны, в малой прозе, сквозь «корректный, точный», протокольный стиль которой «проглядывало ужасающе непостижимое и невыразимое» [Botond], отодвинула в тень его ранние стихотворные опыты. Издав три сборника лирики в 1957–1958 гг., не получивших сколько-нибудь значимого отклика, Бернхард вернулся к поэтической форме всего несколько раз: об этом свидетельствуют редкие публикации в антологиях и периодике 1960-х гг. и сборник 1981 г. (“Ave Vergil”). В свою очередь, театральная слава закрепила за Бернхардом статус классика новейшей европейской драматургии, своего рода «австрийского Беккета» [Esslin: 67]. Как и в далеком 1991 г., когда известный швейцарский литературовед П. фон Матт сокрушался о «неуслышанном» Бернхарде-лирике [Matt], поэзия австрийского модерниста остается неизвестной широкой публике в немецкоязычном пространстве и тем более за его пределами, не выдерживает конкуренции и количество научных публикаций, посвященных Бернхарду-прозаику или драматур-

гу, с теми, что исследуют его лирику. Аналогичная ситуация складывается и с переводами. Так, если на русский язык уже переведена существенная часть прозаического и драматургического наследия Бернхарда, поэзия его не только не переводилась, но и не становилась предметом серьезного исследовательского, литературоведческого или лингвистического, интереса.

Спустя 30 лет после смерти Бернхарда культурно-историческая дистанция позволяет яснее понять причины такого распределения интереса к разным пластам творчества писателя и оценить их значимость, художественную и биографическую.

Бернхард вступает на литературное поприще в эпоху возрождения неоавангардистских экспериментов. В родной Австрии приобретает скандальную славу творчество Венской группы, опыты дадаистов по деконструированию языка и сращению поэзии с визуальными искусствами обретают отклик в «конкретной поэзии», Эрнст Яндль создает свои абсурдно-фигуративные стихи, Герхард Рюм и Конрад Байер развенчивают патриархальные ценности. В Париже снова на слуху сюрреалисты, философия абсурда воплощается на сцене в драмах Ионеско и Беккета, а Кено, Роб-Грийе, Кортасар и Кальвино трансформируют прозу, доводя «упражнения в стиле» до радикального сомнения в самой возможности «буржуазного романа». Европейская литература «после Освенцима» вовлекается

в процесс иконоборчества, находя исторические прецеденты в первом авангарде.

Чтение раннего Бернхарда – его лирики, романов «Амрас» и «Стужа» – не оставляет сомнений в созвучных эпохе иконоборческих устремлениях автора. Однако прежде чем его нигилизм достигнет формульной, почти тенденциозной отточенности в пьесах «Президент», «Минетти», «Площадь героев», в романах «Старые мастера» и «Изничтожение: Распад», его разрыв с «отцами» приобретает черты кьеркегоровского отчаяния, «метафизического бунта», и главными собеседниками его поэзии явятся не фигуры тоталитарных тиранов, политиков или бюрократов, а персонажи Святого семейства, Бог-отец, проповедующий Иисус и ангелы. Семейно-родовые архетипы, выведенные через католическую символику на уровень фамильной и интимной образности, становятся предметом пристальной мотивно-тематической разработки именно в лирике и впоследствии сохраняют свою значимость, вплоть до последнего романа («Auslöschung. Ein Zerfall», 1986). Травма богооставленности настойчиво прорабатывается в сборниках «На земле и в Аду» («Auf der Erde und in der Hölle», 1957) и «В смертный час» («In hora mortis», 1958) и обретает лирические интонации и образные формы, отсылающие отнюдь не к авангардной плакатно-декларативной поэтике, а к апокалиптическому визионерству Бодлера, Рильке, Тракля и Элиота. Очевидно,

что рассматривать лирику Бернхарда следует именно в этом историко-литературном ряду, как возобновление раннеמודернистской традиции богоискательства и богоотступничества, как активное переписывание поэтическим субъектом своего отношения к метафизическому Абсолюту. И в этом отношении лирика Бернхарда примыкает, скорее, не к иконоборчеству Венской группы, а к герметичной лирике Целана, переосмысляющей сакральное в свете Холокоста.

Герой первой поэтической книги Бернхарда начинает свой апофатический путь к Богу с погружения в ад повседневности, со своего рода «банальности зла»:

Почему суждено мне узреть Ад? Неужели нет
иного пути

к Богу?

Голос в ответ: Иного пути нет! И этот путь
ведет через будни лиц,
он ведет через Ад.

“Der Tag der Gesichter”

Утраченный Рай облачается в указанных сборниках в образы сельской пасторали, тучных стад «моего отца» и кишачего змеями райского сада «матери», однако параллельно развивается мотивика черной «крови», которую источают леса, реки, небеса, весна тоже предстает «черной», появляются аллюзии на «самый жестокий месяц» апрель Элиота (ср.:

“...im April, dem zornigen Monat” [Bernhard: 59]), земля изображается одновременно живой и мертвой. Ср. в стихотворении, перевод которого представлен в *Приложении*:

Frühling der schwarzen Blüten, dich treibt
der Toten Fieber,
Frühling der schwarzen Blüten, dich treibt
ein endloser Wind von Norden,
ein Grab ist mein April,
eine finstere Traumnacht der schwarzen Blüten...

“Frühling der schwarzen Blüten, dich treibt...”

Молитвенные, диалогические интонации пронизывают ранние поэтические книги Бернхарда, позволяя опознать в них связь с псалмами (один из циклов называется «Девять псалмов»), с традицией барочных церковных хоралов и пассионов, с которой автор был знаком в первую очередь как музыкант – вокалист и увлеченный слушатель¹. Однако, не услышанный в своем отчаянии, тщетно взывающий к Богу герой нередко обращает молитву в проклятие, вознося свои «гневные псалмы» (“zornige Psalmen” [ibid.: 43]) в пустые небеса.

Мотивы зова без отклика, не услышанной мольбы вводят важный для всей поэтики Бернхарда мотив *das Hören* – слуха, способности слышать, услышать, вслушать-

ся, расслышать. Предпочтение акустического канала в восприятии мира, сближающее эстетику Бернхарда с Шопенгауэром, несомненно, сказалось не только в значимости монологического и диалогического речевого действия в его поэзии и прозе, столь органично воплотившегося в минималистичных драмах, где сценическим показом, сценической жестикоуляцией испытывается сама речь, но и в мотивно-тематической разработке. Феномену слуха посвящен роман «Известковый завод» (“Das Kalkwerk”, 1970), всевозможные вариации лексического мотива *hören* представлены в лирике Бернхарда, а музыка и музыкальность становятся ключевыми темами автобиографической пенталогии, кроме того, романов «Племянник Витгенштейна» (“Wittgensteins Neffe. Eine Freundschaft”, 1982) и «Пропавший» (“Der Untergeher”, 1983), влияя при этом на способ синтагматического развертывания словесного материала.

Перед интерпретаторами лирики Бернхарда стоит вполне благодарная задача: в ней уже содержатся ключи к его поэтике, позволяющие связать воедино – на уровне лейтмотивов, проблематики, образной системы и стилистических приемов – исток и зрелый этап его творчества, выявить генезис его поэтики, восходящей к раннему европейскому модернизму в литературе и немецкому барокко в музыке. Бесспорно, Бернхард-лирик

¹ О влиянии барочной церковной музыки на раннего Бернхарда см.: [Huber, Mittermayer: 25–26], [Gillmayr-Bucher].

также открывает читателю и исследователю путь к пониманию личности автора, которая наиболее полно раскрылась в автофикциональной пенталогии, но нигде, ни в одном из текстов, не достигла такой степени обнаженности, интимной незащитности, как в лирике, которую, словами самого поэта, можно назвать «биографией страдания» (“Biographie des Schmerzes” [ibid.: 62]). И нигде автобиографическая тема сиротства – безотцовщины и потери матери Бернхардом-подростком – не звучит столь откровенно и одновременно не сублимируется в столь высоком сакрально-символическом (католическом) регистре.

Ниже представлены наши переводы пяти стихотворений Томаса Бернхарда из трех книг 1957–1958 гг. (некоторые из них входят в лирические циклы внутри указанных сборников). В названии сборника “In hora mortis” звучит усеченная цитата из католической молитвы “Ave, Maria, gratia plena...” (“...et **in hora mortis** nostrae”: «Святая Мария, Мать Божья, / Молись о нас, грешных, / Ныне и в час смерти нашей. / Аминь»). Образ Девы

Марии – один из ключевых для поэта, он соотносится им как с католическим символом¹, так и с образом собственной матери, смерть которой послужила определенной архетипизации и идеализации (лирическое воплощение существенно отличается от вполне реалистично обрисованного характера матери в автофикциональных романах «Подвал: Ускользание», «Холод: Изоляция», «Дыхание: Выбор», «Ребенок как ребенок»).

Смеем надеяться, что данная публикация послужит началу разговора о Бернхарде-лирике в русскоязычной читательской среде и будет способствовать расширению исследовательского кругозора в отечественной германистике, изучающей австрийскую литературу и творчество Бернхарда.

Перевод выполнен в рамках совместного проекта германского издательства “Suhrkamp” и московского издательства “libra”, итогом которого должна стать первая публикация в России полного комментированного собрания лирики Томаса Бернхарда в нашем переводе.

---

¹ Некоторые аспекты католической символики в лирике Бернхарда интерпретируются в статье: [Thuswaldner].

ПРИЛОЖЕНИЕ

«На земле и в Аду» (“Auf der Erde und in der Hölle”)

Из цикла «За деревьями есть и другой мир» (“Hinter den Bäumen ist eine andere Welt”)

***

Мой прадед был торговец салом,
и поныне
его припомнит всякий
от Хенндорфа до Тальгау,
от Зеекірхена до Кёстендорфа,
и все слышат его голос
и теснее
сдвигаются за его столом,
который им – престол Господень.
В 1881-м, весной,
решил он впредь жить так: посадил он
виноград вдоль дома
и созвал нищих;
его жена, Мария, с черной лентой в воло-
сах,
подарила ему еще тысячу лет.
Он изобрел музыку свиней
и горечи огонь,
он говорил о ветре
и о свадьбе мертвых.
Он не дал бы мне и куска сала
за мое отчаяние.

***

Mein Urgroßvater war Schmalzhändler,
und heute
kennt ihn noch jeder
zwischen Henndorf und Thalgau,
Seekirchen und Köstendorf,
und sie hören seine Stimme
und rücken
zusammen an seinem Tisch,
der auch der Tisch des Herrn war.
1881, im Frühjahr,
entschied er sich für das Leben: er pflanzte
Wein an der Hauswand
und rief die Bettler zusammen;
seine Frau, Maria, die mit dem schwarzen
Band,
schenkte ihm weitere tausend Jahre.
Er erfand die Musik der Schweine
und das Feuer der Bitternis,
er sprach vom Wind
und von der Hochzeit der Toten.
Er würde mir kein Stück Speck geben
für meine Verzweiflungen.

Из цикла «Смерть и тимьян» (“Tod und Thymian”)

***

Черных цветов весна, тебя гонит
жар мертвых,
Черных цветов весна, тебя гонит
нескончаемый с севера ветер,
Гроб – мой апрель,
Глухая ночь, полная черных цветов сна,
тебя пригоняют странные сестры в наш край,
когда каркают воробьи
и холмы подставляют рты ливням.

Черных цветов весна, тебя гонит
жар мертвых,
Черных цветов весна, тебя гонит
нескончаемый с севера ветер,
я засыпаю, завтра уже
укроют меня снег и одиночество, как
только стихнут

твои башмаки...

тебя пригоняют странные сестры в наш край,
когда каркают воробьи
и холмы подставляют рты ливням.

***

Frühling der schwarzen Blüten, dich treibt
der Toten Fieber,
Frühling der schwarzen Blüten, dich treibt
ein endloser Wind von Norden,
ein Grab ist mein April,
eine finstere Traumnacht der schwarzen Blüten,
dich treiben seltsame Schwestern ins Land,
wenn die Krähen schrein
und die Hügel Schauer trinken.

Frühling der schwarzen Blüten, dich treibt
der Toten Fieber,
Frühling der schwarzen Blüten, dich treibt
ein endloser Wind von Norden,
ich werde schlafen, morgen schon
wird mich Schnee und Einsamkeit zudecken
hinter

deinen Schuhen...

dich treiben seltsame Schwestern ins Land,
wenn die Krähen schrein
und die Hügel Schauer trinken.

*Из цикла «Возвращаясь к любви» (“Rückkehr in eine Liebe”)***В саду матери**

В саду матери
сгребаю граблями звёзды,
что облетели, пока меня не было.
Стоит тёплая ночь, мои члены
сливаются с плотью растений,
цветов и листьев,
криком дрозда и станка ткацкого стуком.
В саду матери
я босыми ногами ступаю на головы змей,
что заглядывают в ржавые двери,
языками пылая.

Im Garten der Mutter

Im Garten der Mutter
sammelt mein Rechen die Sterne,
die herabgefallen sind, während ich fort war.
Die Nacht ist warm und meine Glieder
strömen die grüne Herkunft aus,
Blumen und Blätter,
den Amselruf und das Klatschen des Webstuhls.
Im Garten der Mutter
trete ich barfuß auf die Schlangenköpfe,
die durch das rostige Tor hereinschaun
mit feurigen Zungen.

“In hora mortis”

***

Прозрачна смерть в ручье
а при луне жутка
чиста
когда звезда дрожит под вечер
у двери медля
смерть чиста
как августовский мед
так смерть эта чиста
и мне верна
когда придет зима
о Боже
смерть пошли мне
во льдах
и мой язык волеется в море
и сблизится с огнем
Боже

***

Der Tod ist klar im Bach
und wild im Mond
und klar
wie mir der Stern im Abend zittert
fremd vor meiner Tür
der Tod ist klar
wie Honig im August
so klar ist dieser Tod
und treu mir
wenn der Winter kommt
o Herr
schick' einen Tod mir
daß mich friert
und mir die Sprache kommt im Meer
und nah dem Feuer
Herr

а ночью смерть раскачивает ствол
пугая сон дроздов
в крошечной тьме.

der Tod fällt nachts den Baumstamm an
und mancher Amsel Schlaf
in Finsternissen.

«Под железной луной» (“Unter dem Eisen des Mondes”)

***

Спи рядом, тише, мой же путь – со скорбью,
начну по-новой странствовать и звёзд
вести подсчёт и трав болотных, песни
твои ища, встревожу маетой,
что голос мой оставит без приюта
и рот – без слов.

***

Schlaf neben mir, sei ruhig ich muß trauern,
beginn ich wieder meine Reise, zähl ich Stern
und Kraut im Moor und suchend deine Lieder
erwecke ich die Furcht in meiner Qual
die meiner Stimme keine Ufer gibt
und meinen Mund kein Wort.

Отдайся страхам и рассыпья в прах,
на тёмных лестницах глаз не смежая,
впусцу тебя, как только мать впускают, в
свою молитву,
как белую луну и рёбра голые лесов холод-
ных.

Bleib bei den Ängsten und zerfall zu Staub,
auf finstern Treppen schlag dich offenen Augs,
in mein Gebet schließ ich dich ein wie nur die
Mutter,
liebend weißen Mond und nackte Rippen
kalter Wälder.

О, не броди за мной по следу сновидений
мрачных.

О komm nicht in mein Gehen nach düsteren
Träumen.

Скажи, где я был вчера? Не рядом, не с тобой,
когда лежал, довольный, на краю колодца,
бросал могильную сухую землю
и ледяному ветру подставляя
песок, давно осевший на моих ботинках?
Скажи!

Sag, wo war ich gestern? War ich dir nicht nah
als ich zufrieden lag am Brunnenrand
aufschüttend fremder Gräber trockene Erde
und kaltem Wind nachgebend
längst verwehter Spuren Sand auf meinen Schuhn?
Sag?

Но ты не понимаешь.
Спи рядом, тише, мой же путь – со скорбью.

Du verstehst mich nicht.
Schlaf neben mir, sei ruhig ich muß trauern.

Литература

Bernhard, Th. *Gesammelte Gedichte*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Taschenbuch, 2017. 17 Aufl.

Botond, A. *Briefe an Thomas Bernhard. Mit unbekanntem Briefen von Thomas Bernhard 1963–1971* / Hg. von R. Fellingner. Mattighofen: Korrekturverlag, 2018. Kindle Edition.

Esslin, M. *Beckett and Bernhard: a Comparison // Modern Austrian Literature*. 1985. Vol. 18, No. 2. Pp. 67–78.

Gillmayr-Bucher, S. *Die Psalmen im Spiegel der Lyrik Thomas Bernhards*. Stuttgart: Bibelwerk, 2002.

Hainz Martin, A. “Hinter den Bäumen ist eine andere Welt”. *Bernhards lyrische Verstöße wider die klassische Form // Österreichische Literatur des 20. Jahrhunderts*. 2016. Vol. 53. S. 217–234.

Huber, M., Mittermayer M. (Ed.). *Bernhard-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung*. Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2018.

Matt, P. von. *Unbekannter Dichter. Thomas Bernhards poetische Paradiese // Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 10.8.1991.

Thuswaldner, G. *De Deo Abscondito. Religiöse Konflikte bei Thomas Bernhard // Berwald O., Thuswaldner G. (Ed.) Der Untote Gott. Religion und Ästhetik in der deutschen und österreichischen Literatur des 20. Jahrhunderts*. Köln – Weimar – Wien: Böhlau Verlag, 2007. 159–176.

References

Bernhard, Th. (2017). *Gesammelte Gedichte*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Taschenbuch, 17th Edition.

Botond, A. (2018). *Briefe an Thomas Bernhard. Mit unbekanntem Briefen von Thomas Bernhard 1963–1971*. Ed. by R. Fellingner. Mattighofen: Korrekturverlag. Kindle Edition.

Esslin, M. (1985). *Beckett and Bernhard: a Comparison. Modern Austrian Literature*, 18 (2), 67–78.

Gillmayr-Bucher, S. (2002). *Die Psalmen im Spiegel der Lyrik Thomas Bernhards*. Stuttgart: Bibelwerk.

Hainz Martin, A. (2016). “Hinter den Bäumen ist eine andere Welt”. *Österreichische Literatur des 20. Jahrhunderts*, 53, 217–234.

Huber, M., Mittermayer M. (Ed.) (2018). *Bernhard-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung*. Stuttgart: J.B. Metzler Verlag.

Matt, P. von (1991). *Unbekannter Dichter. Thomas Bernhards poetische Paradiese. Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 8.10.1991.

Thuswaldner, G. (2007). *De Deo Abscondito. Religiöse Konflikte bei Thomas Bernhard*. Berwald, O., Thuswaldner, G. (Ed.). *Der Untote Gott. Religion und Ästhetik in der deutschen und österreichischen Literatur des 20. Jahrhunderts*. Köln – Weimar – Wien: Böhlau Verlag, 159–176.

“ANGRY PSALMS”: SOME ASPECTS OF THOMAS BERNHARD’S POETRY INTERPRETATION

Vera V. Kotelevskaya, PhD, Associate Professor of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: luga17@rambler.ru

Abstract. The author offers her own translation of five poems of the Austrian modernist Thomas Bernhard (1931–1989) as well as the introduction to these texts. Presented poems are selected from the collections of the early poetry of Bernhard (“On Earth and in Hell”, 1957; “In Hora Mortis”, 1958; “Under the Iron of the Moon”, 1958). The paper offers provisional remarks to the lyrics of Bernhard, which had not previously been translated in Russia and did not become the subject of literary study. The author reconstructed the cultural-historical and also biographical context of Bernhard’s poetry, traced its main motifs and images, as well as the genesis of the interpreted texts from the European lyric tradition, for another thing the meaning of the lyrics in the evolution of Bernhard’s poetics. This translation was made as part of the Moscow publishing house “libra” project in collaboration with the German publishing house “Suhrkamp” and the result of which should be the first publication in Russia of the complete poems by Thomas Bernhard.

Key words: poetry of Thomas Bernhard, Rainer Maria Rilke, Georg Trakl, Paul Celan, Ernst Jandl, Thomas Stearns Eliot, avant-garde, modernist literature, Austrian poetry of the 20th century, Christian motifs, “On Earth and in Hell”, “In Hora Mortis”, “Under the Iron of the Moon”.

